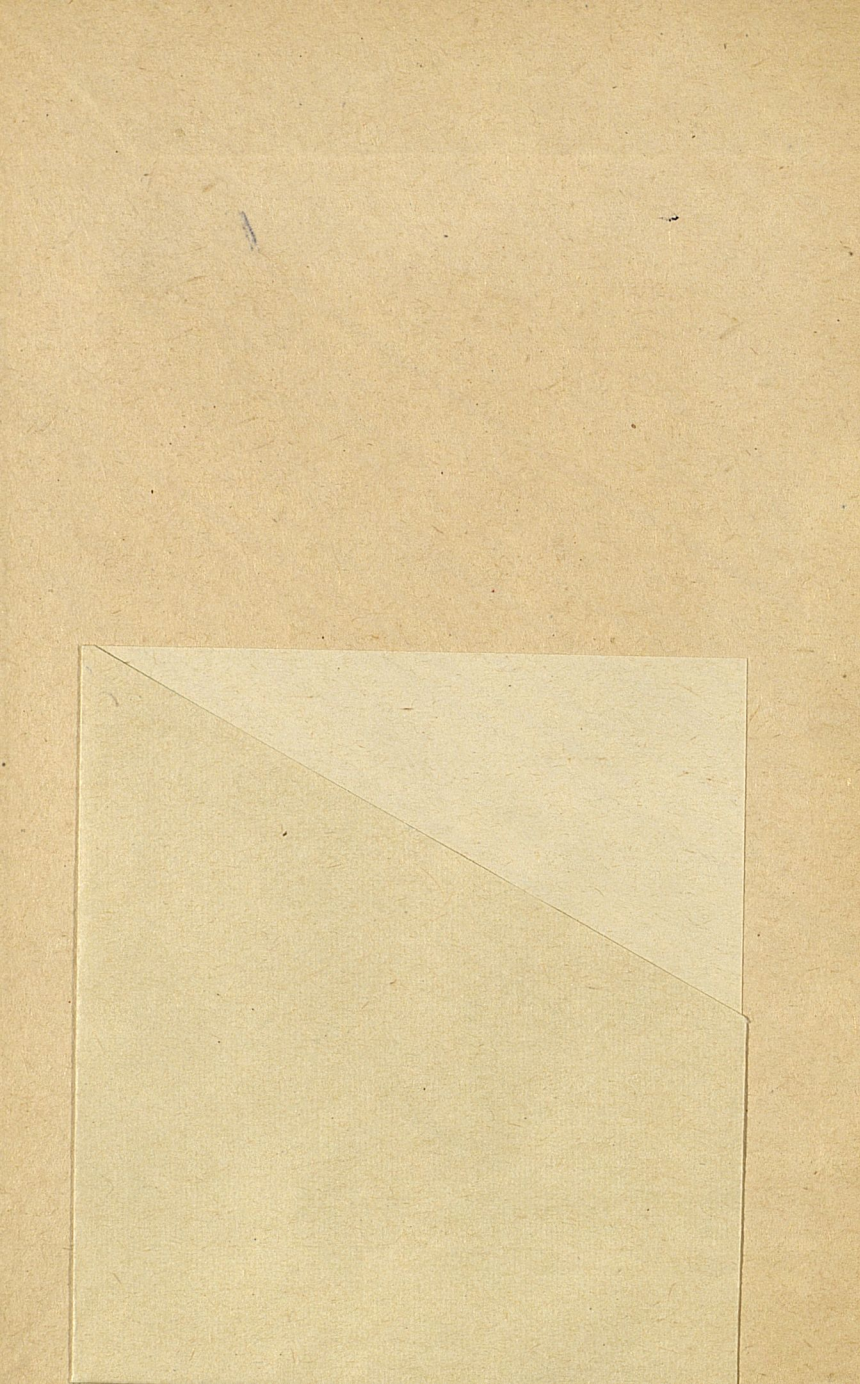

U $\frac{121}{1811}$

Дешевая ~~библіотека~~ для семьи и школы.

К. Д. Наскловъ.

БОЖЬИ ЛЮДИ.

РАЗСКАЗЫ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Цена 15 к.

Москва. — 1915.

- НОСИЛОВЪ, К. Д. Золотое время.** Очерки и рассказы. Волки. — Никифоровна. — За саранками. — Зося. — Сестра Оля. — Мои первыя путешествія. — На колокольнѣ. 2-е изданіе. Съ рис. Ц. 45 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. низш. уч. завед. (Отнош. № 2101, отъ 20 янв. 1911 г.).
- **Въ снѣгахъ.** Очерки и рассказы. Ц. 50 к. 8-е изданіе. У. К. М. Н. Пр. одобрена для ученич. младшаго возраста библиот. средних и низшихъ учебныхъ заведеній и допущена въ безплат. народ. чит. (Отн. № 14880, отъ 19 марта 1914 г.). Одобрена для ротныхъ библиотекъ кадетскихъ корпусовъ. Гл. Управл. Военно-Учебн. заведеній книга *рекомендована* для приобрѣт. въ библ. кадет. корпус. для чтенія кадетамъ I и II классовъ. («Пед. Сб.» № 7, 1901 года).
- **На охотѣ.** Галейко. — Изъ жизни киргизовъ. — Пасха среди самоѣдовъ. — Дѣдушкины журавли. — Дядя-кузнецъ. — Неудачный день. 3-е изданіе. Ц. 30 к. Гл. Упр. Военно-Учебн. заведеній книга *рекомендована* для приобрѣт. библ. кадетскихъ корпусовъ для чтенія кадетамъ I и II классовъ. («Пед. Сб.» № 7, 1905 г.) Одобрена для ротныхъ библиотекъ кадетскихъ корпусовъ. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. низш. учебныхъ заведеній. (Отнош. № 2101, отъ 20 янв. 1911 г.).
- **На дикомъ Сѣверѣ.** Первый сборникъ рассказовъ. Яхурбетъ. — Птичій островъ. — Дѣдушка-вогуль и его внуки. 2-е изданіе. Ц. 40 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ безплат. библ. и чит., а также въ ученич. библ. городскихъ училищъ. (Отнош. № 2248, отъ 15 янв. 1913 г.).
- **На дикомъ Сѣверѣ.** Второй сборникъ рассказовъ. Счастливая ловля. — На родинѣ. — Ворона. — Наши инженеры. — Въ гостяхъ у остяка. — Судъ. 2-е изданіе. Ц. 40 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ безплат. библ. и чит., а также въ ученич. библ. городскихъ училищъ. (Отнош. № 2248, отъ 15 янв. 1913 г.).
- **Въ лѣсахъ.** За карасями. — На лабазѣ. — Бѣлая рукавичка. — Керка. — Внукъ. 3-е изд. Съ рис. Ц. 25 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. низшихъ учебныхъ заведеній и въ безпл. библ. и читал. (Отношеніе № 23555, отъ 4 мая 1914 года).
- **Таня Логай.** Рассказъ изъ жизни сѣверныхъ инородцевъ. 5-е изд. Ц. 10 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. низш. учебн. завед. (Отнош. № 29139, отъ 10 іюля 1914 г.).
- **У рыбаковъ и звѣролововъ Сѣвера.** Съ рис. Ц. 40 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. низш. училищъ. (Отн. № 27744, отъ 13 іюля 1912 г.).
- **Исторія одной полярной зимовки.** Рассказъ. Съ рис. Ц. 15 к. О. О. У. К. М. Н. П. книжка допущена въ ученич. библ. низш. учебн. завед. (Отнош. № 24529, отъ 9 іюля 1913 г.).
- **За полярнымъ кругомъ.** Ц. 35 к. Съ рис. О. О. У. Ком. М. Н. Пр. допущена въ ученич. библ. низш. учебн. завед. (Отн. № 49121, отъ 9 дек. 1912 г.).
- **Рассказы для дѣтей.** Первый сборникъ. Съ рис. Ц. 25 к.
- **Рассказы для дѣтей.** Второй сборникъ. Съ рис. Ц. 35 к.

1811
801-36
4151-1
Дешевая библиотека для семьи и школы.

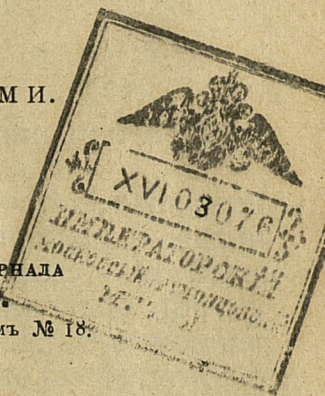
К. Д. Жословъ.

БОЖЬИ ЛЮДИ.

РАЗСКАЗЫ.

СЪ РИСУНКАМИ.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
„Юная Россія“.
Москва, Б. Молчановка, домъ № 18.

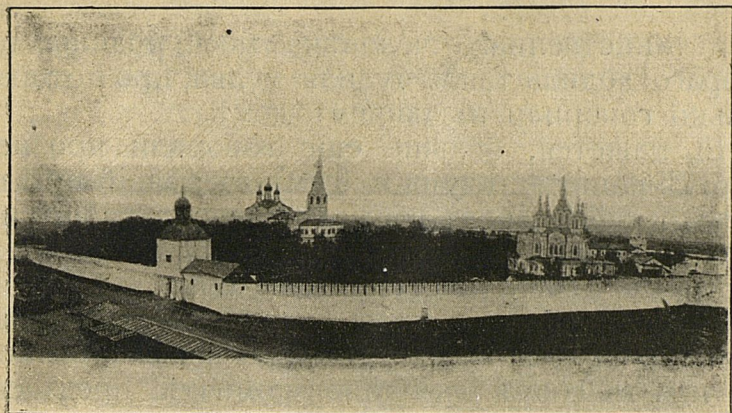

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ К. Л. МЕНЬШОВА
Арбатъ, Никольскій пер. д. 21.
1915.

2007084147

0. Августинъ.

I.

Въ нашемъ домѣ часто говорили про о. Августина.

— Праведной жизни, подвижникъ Божій, святой, — бывало скажетъ кому нашъ папаша. — Истинный молитвенникъ за насъ грѣшныхъ, — отвѣтятъ ему, — и мы, дѣти, тогда бывало невольно притихнемъ и насторожимъ уши. И мысль, неугомонная, пытливая дѣтская мысль бывало уже рисуетъ предъ нами высокаго, худого, сѣдого старика, въ священномъ облаченіи, со строгимъ лицомъ, точь въ точь, какъ вотъ образъ святителя въ нашемъ сельскомъ храмѣ, предъ которымъ все ставила насъ мать, приводя по праздникамъ въ церковь. И я, тогда еще маленькій, помню, такъ и представлялъ себѣ

этого таинственного человека моей родины, про которого ходила такая чудная молва, про которого столько говорили въ нашемъ домѣ.

Но, кажется, больше еще говорили про него въ домѣ нашего дѣдушки. Тамъ въ рѣдкій прїѣздъ нашъ съ мамашей въ гости не говорили много про этого человека.

Бывало только наступить вечеръ, только - что стихнетъ домъ, или, какъ картинно выражалась бабушка, „сутолока житейская“, какъ смотришь: уже всѣ въ сборѣ въ чайной комнатѣ, предъ свѣчей, и замѣчаешь, что бабушка уже перестала обсуждать житейскіе вопросы, а тетушка съ вѣчнымъ носкомъ уже менѣе занята вязаніемъ и вяжетъ какъ-то лѣнливо и неохотно.

Смотришь, выходитъ изъ кабинета дѣдушка, всегда въ бѣломъ или свѣтломъ легкомъ подрясничкѣ, съ расчесанной бѣлой, пушистой бородой, подъ которую я любилъ такъ прятать свою глупую голову, сидя у него на колѣняхъ. Выходитъ, улыбается намъ доброю улыбкой и присаживается въ кресло, а въ рукахъ у него обязательно книга какая-нибудь новая или излюбленный мой „Странникъ“. У него всегда бывали какія-то новыя книги, а „Странникъ“ постоянно лежалъ на столѣ, привлекая наше дѣтское любопытство.

Приходитъ, присаживается, надѣваетъ, протеревъ хорошенько краснымъ платочкомъ, свои очки и начинаетъ чтеніе.

— А вотъ я вамъ, матушки, прочитаю, что пишутъ, — бывало скажетъ еще при этомъ торжественномъ обычаѣ и начинаетъ читать внятнымъ, ровнымъ старческимъ голосомъ, при общемъ благоговѣйномъ молчаніи и полной тишинѣ, кажется,

всего дома, потому что даже прислуга, дѣвица Варвара, и та при этомъ случаѣ замирала и вылѣзала послушать, гдѣ-нибудь незамѣтно прикорнувъ въ углу, подперевъ рукой щеку.

И слышишь,—это чтеніе всегда кончится воспоминаніями, и всегда рѣчь коснется о. Августина, какъ мѣстнаго святого человѣка. Тутъ ужъ полный захватъ дѣтскаго нашего вниманія, и не проронишь ни одного слова, а воображеніе рисуетъ, рисуетъ картины...

То же самое было и тогда, когда въ нашъ домъ пріѣзжали монахи и монахини. Въ нашемъ домѣ часто принимали этихъ гостей. Они навозили въ нашъ домъ столько священныхъ новостей, что ихъ хватало на цѣлые мѣсяцы для разговора, и всегда привозили новости и изъ жизни о. Августина, котораго посѣщали проѣздомъ. Помню, слушая рассказы ихъ и про о. Августина, и про преподобнаго Серафима, уже тогда у насъ чтимаго, про то, какъ онъ кормилъ медвѣдей сухарями у своей келейки, такъ и хотѣлось скорѣе вырасти и пуститься тоже въ путь и все видѣть собственными глазами.

Про о. Серафима нечего было и мечтать, такъ какъ онъ былъ гдѣ-то далеко отъ нашей родины; но зато мечты объ о. Августинѣ начинали принимать болѣе и болѣе сбыточные формы.

Дѣло въ томъ, что онъ жилъ въ томъ самомъ, заштатномъ городѣ, гдѣ было наше духовное училище, куда я долженъ былъ скоро попасть; мать уже поговаривала шить мнѣ черный сюртукъ и брюки съ выпускными колокольцами, какъ носили тогда, и мысль, что я увижу скоро этого необыкновеннаго человѣка, такъ волновала меня, что

я позабывалъ даже о строгостяхъ духовнаго училища, въ которомъ тогда еще сѣкли.

II.

Мечта моя дѣйствительно скоро осуществилась. Отецъ меня повезъ въ училище; и, наконецъ, я увидалъ тотъ городъ, о которомъ было столько думъ и мечтаній въ моемъ дѣтствѣ.

Это было въ началѣ августа; стояла чудная, тихая, ясная погода, и бѣлый монастырь на горѣ, въ которомъ жилъ о. Августинъ, показался мнѣ какимъ-то замкомъ большимъ, съ бѣлыми башнями и высокими зубчатыми стѣнами, черезъ которыя чуть-чуть только виднѣлись высокія бѣлыя березы.

Помню, отецъ сказалъ, когда мы ближе подъѣхали къ этому бѣлому на горѣ замку:

— Вотъ монастырь. Здѣсь же ваше училище, здѣсь живетъ и о. Августинъ!

— Гдѣ онъ живетъ?—переспросилъ я.

— Вотъ пойдемъ сдавать экзамены, я тебѣ укажу. За стѣнами не видно.

Мы помылисъ съ нимъ старательно на квартиркѣ своей и, дѣйствительно, скоро отправились къ монастырю, чтобы сдать пріемные экзамены. Экзаменовъ я что-то не очень боялся въ то время, вѣроятно, потому, что не зналъ еще достаточно объ ихъ существованіи, но зато, помню, много интересовался училищемъ и сверстниками, и особенно келейкой о. Августина, которая въ моемъ воображеніи связалась съ училищемъ, почему,

помню, страшно торопился, почти таща отца за руку. Вотъ и „святыя“ ворота монастыря, и отецъ приказываетъ мнѣ снять картузъ и помолиться.

— Молись всегда и прикладывайся къ иконѣ Божіей Матери. — говоритъ онъ строго, — когда идешь въ училище.

Мы молимся и прикладываемся къ иконѣ у

стѣнъ монастыря и входимъ въ „святыя ворота“.

Боже, какъ хорошо, прохладно послѣ солнца подъ тяжелыми сводами этихъ воротъ; сколько тутъ расписано картинъ духовнаго содержанія и монашеской жизни! Но разглядывать ихъ некогда; отецъ торопитъ въ училище, которое уже открылось изъ воротъ сквозь высокія, бѣлыя березовыя аллеи въ видѣ длиннаго бѣлаго каменнаго корпуса, и мы снова выходимъ на воздухъ.

Какъ вдругъ отецъ пріостанавливается, оглядывается назадъ, снимаетъ шляпу и говоритъ:

— Вотъ келейка о. Августина!—И потомъ прибавляетъ:

— Смотри, когда встрѣтишь о. Августина по пути, всегда подходи подъ благословеніе, онъ помолится за тебя, ты будешь лучше, успѣшнѣе учиться.

Я, слушая этотъ завѣтъ родителя, въ какомъ-то недоумѣніи смотрю на маленькую пристроечку у святыхъ воротъ въ видѣ маленькой каменной сторожки.

— Неужели, папа, онъ живетъ тутъ, о. Августинъ? — спрашиваю я его, въ недоумѣніи стоя предъ этой хижиной, воображая, что онъ долженъ жить въ самомъ большомъ корпусѣ монастыря, какой открылся нашимъ взорамъ.

— Тутъ,—отвѣтилъ отецъ мнѣ лаконически.

Хижина казалась необитаемой, и отецъ, простоявъ предъ ней съ минуту, надѣлъ шляпу и повелъ меня прямо къ училищу сдавать экзамень.

Я сдалъ благополучно свои экзамены какимъ-то добрымъ, простодушнымъ на видъ господамъ въ черныхъ сюртукахъ и священникамъ въ клобукахъ и рясахъ; отецъ накупилъ мнѣ книгъ съ полпуда, отъ которыхъ я пришелъ въ ужасъ, воображая, что все это будетъ нужно выучить наизусть. Мы побывали и въ самомъ училищѣ; отецъ показалъ мнѣ даже изрѣзанные ножомъ черныя парты, на которыхъ я долженъ буду протирать свои панталоны. Я пережилъ въ этотъ день много разныхъ впечатлѣній, но только одно поразило меня: это—келлія о. Августа и ея какая-то странная, мертвая тишина и неподвижность.

— Что онъ тамъ дѣлаеть?—думаль я тихонько про себя, и любопытство заглянуть туда хотя черезъ окно страшно меня подмывало. Но въ то же время что-то удерживало даже самую мысль объ этомъ, какъ о преступленіи. Такъ я и не увидалъ о. Августина въ этотъ памятный день! Отецъ справлялся о немъ у какого-то монаха въ черной рясѣ съ широкимъ голубымъ поясомъ, но получилъ отвѣтъ, что о. Августинъ нездоровъ и не принимаетъ.

А потомъ отецъ оставилъ меня въ этомъ заштатномъ городѣ, и я сталъ понемногу учиться наукамъ.

III.

Это было не особенно пріятное занятіе послѣ родного дома: нужно было вставать въ 7 часовъ утра и ѣсть у квартирной хозяйки простоквашу съ шаньгой; потомъ съ полверсты шествовать въ училище по самой грязной улицѣ безъ тротуара, затѣмъ сидѣть часами, дожидаясь звонка, за темными партами, пока не проголодается совсѣмъ желудокъ. Но какъ ни непріятно было учиться такимъ образомъ, я, однако, охотно ходилъ туда, въ этотъ монастырь, и еще охотнѣе оттуда возвращался, никогда не забывая келліи о. Августина и всегда предъ ней снималъ свой картузь въ какомъ-то благоговѣніи и любопытствѣ.

Въ такомъ же благоговѣніи проходили и мои сверстники мимо келліи о. Августина, даже пріостанавливая на время свои шутки и переставая

галдѣть. Но стоило только пройти эту, вѣчно молчаливую у святыхъ воротъ келлію, какъ снова всѣ бѣжали бѣгомъ и кричали во все горло.

* * *

И вотъ, идя одинъ разъ мимо этой хижины, я неожиданно встрѣтилъ о. Августина, который словно чудомъ какимъ явился передо мной, стуча посохомъ о каменные плиты.

Несмотря на то, что каждый разъ, проходя мимо этого бѣлаго низенькаго домика, я ожидалъ этого случая, я, помню, такъ и остановился въ оцѣпенѣніи. Высокій, худой, въ какомъ-то особенномъ одѣяніи, съ бѣлыми крестами, съ тростью, съ желѣзнымъ наконечникомъ, въ одной рукѣ, а въ другой съ маленькой просфорочкою, онъ приближался ко мнѣ медленно, идя, вѣроятно, изъ храма. У меня такъ и обмерло сердце.

Однако, я набрался храбрости и, помню, заложивъ свои книжонки подъ мышку, подошелъ къ нему подъ благословеніе. Казалось, схимникъ не ожидалъ этого, не замѣтивъ маленькой моей фигуры, и спросилъ, остановившись:

— Чей ты?

Я едва могъ прошептать при этомъ строгомъ, загробномъ какомъ-то вопросѣ:

— Сынъ такого-то священника.

— Господь тебя благословить, юный отрокъ!

И его сухая, волосистая рука поднялась вмѣстѣ съ рясою надъ головой моей, задѣла меня темной, жесткой матеріей и осѣнила крестомъ. Я робко приложился къ ней, ощущая, какъ пахнетъ она ладаномъ и какъ жестка, суха ея кожа.

Еще мгновение, — я посторонился, и по каменной дорожке снова застучалъ его посохъ.

Онъ шелъ своей ровной, покачивающейся походкою; я видѣлъ, какъ онъ согнулся въ дверяхъ своей келейки и какъ потомъ закрылась тяжелая, зеленая дверь съ крестомъ на ней, но все еще стоялъ, словно преисполненный какимъ-то гордымъ чувствомъ умиленія, и только потомъ уже двинулся далѣе, переживая только-что пережитыя, важныя минуты жизни.

И это ощущеніе важности шага моего, эта встрѣча, давно ожидаемая, волновали меня такъ, что фигура его стояла предо мной даже среди уроковъ. Что-то совсѣмъ другое было въ ней сравнительно съ этой скучной, однообразной дѣйствительностью, что-то возвышенное, важное. Мой умъ никакъ не могъ уложить всего этого, и меня волновали совсѣмъ новыя мысли.

IV.

Потомъ снова потекла обычная жизнь. Я покорно долбилъ свои уроки, ходя въ училище, еще покорнѣе отстаивалъ въ углу, куда меня ставили за робкіе, неумѣлые отвѣты, еще покорнѣе поддавался бойкимъ товарищамъ, которые колотили меня, еще покорнѣе выносилъ обычное въ то время училищное иго.

Это было у насъ не ученіе, а какая-то безсмысленная долбня и истязанія, о которыхъ тяжело-вспоминать чуть не чрезъ полстолѣтіе. Насъ били и наказывали, драли за каждую малость, и не про-

ходило ни одного урока безъ подобныхъ жертвъ, которыя робко сами шли на кухню къ старому солдату для сѣченія. Въ классахъ били насъ учителя по чемъ попало: били по лицу, били по шеѣ, таскали за волосы, какъ таскають пьяные подмастерья своихъ несчастныхъ учениковъ, порою, словно издѣваясь, давали въ носъ щелчка, отъ чего изъ глазъ сыпались искры, и все за несказанный урокъ, на которомъ у тебя отъ страха прилипалъ языкъ къ гортани. И ни слова ропота, какъ будто это обычное дѣло, и только когда прѣзжали провѣдать родители, что-то поднималось вдругъ такое на душѣ, что давило ее, пока не хлынуть слезы...

Мнѣ не забыть до смерти своей одинъ моментъ въ этомъ училищѣ, когда такъ страшно запротестовало противъ него мое сердце.

Это было въ первый годъ моего ученія и вскорѣ послѣ того, какъ я увидалъ святого, суроваго старца. Я рѣшительно терялся предъ строгостью учителей и никакъ не могъ въ 8 лѣтъ превозмочь латинскаго языка, зная еще плохо русскій; но пока шли обычныя наказанія: стояніе во время классныхъ занятій въ углу, сидѣніе въ стѣнахъ училища безъ обѣда, я несъ довольно терпѣливо свой подвигъ, какъ вдругъ терпѣніе учителя латинскаго языка предъ моею неспособностью лопнуло, и онъ крикнулъ мнѣ, что я завтра же буду отправленъ на кухню!

Краска стыда и ужаса залила мое лицо отъ этого позора, минуту я былъ въ какомъ-то даже словно оцѣпенѣніи, потомъ хотѣлъ крикнуть ему: не троньте меня, я не буду тогда учиться, но что-то удержало меня отъ этого, и я покорно остался на своемъ мѣстѣ. Слезъ не было, предъ глазами

стоялъ только позоръ; я чувствовалъ, что я не въ силахъ приготовить даже половины этого урока и сознаніе ужаса такъ было велико, что я даже не ѣлъ въ тотъ день, говоря, что у меня болитъ голова, что я простудился... Я шатался весь день въ какомъ-то тяжеломъ отупѣніи, мысли одна отчаяннѣе другой проносились въ моей разгоряченной головѣ; то я готовъ былъ бѣжать изъ училища и утопиться, то я собирался бѣжать и сдѣлаться просто бродягою, и воображеніе уже рисовало мнѣ картины бродяжьей жизни; то я поджигалъ училище и видѣлъ его уже пылающимъ въ огнѣ, какъ горять наши соломенные крыши; то оттачивалъ ножъ и закалывался и видѣлъ себя мертвымъ.

Помню, что я заснулъ въ какомъ-то страшномъ рѣшеніи, обливая елезаміи свою подушку.

Но утро, холодное, туманное, осеннее утро, освѣжило мою воспаленную голову, и я къ ужасу своему понялъ, что у меня нѣтъ силъ и нужно... нужно покориться розгѣ. Урокъ былъ, разумѣется, не выученъ, на это у меня не было силъ со вчерашняго дня, проведеннаго въ какомъ-то угарѣ, и я покорно пошелъ въ училище, чувствуя себя какимъ-то отупѣлымъ.

Какъ вдругъ на пути, у святыхъ воротъ, какъ только я вышелъ изъ нихъ, встрѣчаю фигуру старца. Онъ словно ждалъ меня, стоя съ посохомъ въ рукѣ, направляясь къ церкви. У меня сразу потемнѣло отъ слезъ въ глазахъ, я бросился къ нему и, ужъ не помню какъ, очутился у его ногъ, у подола рясы его и лежалъ въ судорожныхъ рыданіяхъ, не въ силахъ будучи сказать ни слова.

— Что съ тобой, кто тебя? — спросилъ онъ, поднимая меня на ноги дрожащими руками.

Но я въ не въ силахъ былъ говорить: такъ схватило меня горе.

— Кто тебя? Что съ тобой? — сталъ онъ говорить поласковѣе, и у меня открылся ротъ, и я сказалъ ему, что я убью себя, если меня тронуть розгою въ училищѣ. Казалось, его поразилъ мой отвѣтъ: онъ увелъ меня къ дверямъ своей келліи, впихнулъ въ нее и посадилъ, чтобы разспросить, на лавку. И тамъ, съ удивленіемъ смотря на все окружающее, на бѣдную обстановку съ кроваткой и иконами, я разсказалъ ему какъ, слѣдуетъ, все по порядку. Я говорилъ, какъ бьютъ насъ въ училищѣ, я говорилъ, какъ страшно, позорно лежать подъ розгой, я разсказалъ ему все, всѣ мои отчаянныя мысли...

Казалось, это его тронуло: онъ заперъ меня въ келліи и куда-то спѣшно отправился, говоря, что скоро возвратится. Я взглянулъ въ окно, покорившись смиренно участи, и увидѣлъ, что онъ направился къ смотрителю, который былъ архимандритомъ. Онъ добрый былъ, этотъ смотритель нашего училища, я видѣлъ его не разъ въ училищѣ. Я остался покорно сидѣть въ этой молчаливой келліи, гдѣ свѣтилась только одна тихонько мерцающая предъ иконой Спасителя зеленая лампада.

Не знаю, сколько времени прошло, но, помню, пробилъ второй звонокъ въ нашемъ училищѣ, когда по дорожкѣ показался старецъ.

— Иди въ училище, учись, не бойся! — сказалъ онъ мнѣ, и потомъ прибавилъ:

— Вотъ тебѣ моя просфорочка, съѣшь ее, у тебя прибавится память!

И онъ подалъ мнѣ просфорку свою, которой, говорятъ, онъ только и питался.

Въ училищѣ меня встрѣтили всѣ, какъ мнѣ казалось, подозрительно; кто-то сказалъ мнѣ, что думали, что я уже убѣжалъ домой, но, къ моему удивленію, учитель латинскаго языка даже не спросилъ меня, а другіе отнеслись такъ, какъ будто я былъ боленъ.

Меня не выстегали въ этотъ день, но я сталъ какъ-то апатичнымъ ко всему, что было кругомъ, а потомъ скоро захворалъ и былъ отправленъ домой задолго еще до Рождества на поправленіе.

V.

Дома я не сказалъ никому о томъ, что было въ келліи о. Августина, только проговорился бабушкѣ, которая особенно почитала о. Августина, какъ настоящаго святого человѣка.

Бабушка, казалось, была удивлена этимъ происшествіемъ, но не выдала себя ни словомъ. Только, помню, перекрестилась предъ иконою и потомъ сказала:

— Это случай знаменательный. Молись святому угоднику, имя котораго носишь съ рожденія, и тебѣ будетъ легче учиться!

Когда я собрался ѣхать отъ нея въ училище, она подала мнѣ маленькій свертокъ—что-то старательно-зашитое въ бѣлый тонкій холстъ, наказавъ, чтобы я тотчасъ же это снесъ и передалъ въ руки самому о. Августину, какъ только приѣду въ училище.

Я снесъ этотъ сверточекъ нарочно рано утромъ, еще въ сумерки, чтобы меня никто тамъ не видѣлъ.

Какъ билось сердце у меня, когда я тихонько прокрадывался къ бѣлой келліи, но зеленая знакомая лампадка, которую я увидалъ въ окнѣ, словно успокоила мое сердце. Была зима, окно келліи было полузамерзшее, и я было заглянулъ въ него, но тотчасъ же отпрянулъ. На голомъ полу лежалъ человѣкъ, и мнѣ показалось, что о. Августинъ умеръ въ этомъ положеніи, только-что молясь всю ночь за грѣхи всего міра.

Но старецъ былъ живъ, въ келліи слышалось движеніе, и я тихонько постучался въ дверь, произнесъ обычные слова, которымъ меня научила бабушка: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“, на которыя тотчасъ же послышался знакомый голосъ:

— Аминь!

Еще немного времени, — и тяжелый желѣзный засовъ отодвинулся, и я проникъ въ темнотѣ и повалился къ ногамъ высокаго старца.

Онъ узналъ меня, поднимая съ пола и благословляя, и тотчасъ же сталъ спрашивать о здоровьѣ моемъ и о здоровьѣ бабушки моей.

— Меня просила передать, — началъ я, но онъ остановилъ меня словами:

— Знаю! Знаю! Спасибо ей большое, что не забываетъ меня, — и онъ взялъ мягкій сверточекъ и положилъ къ себѣ его на лавку.

Я былъ удивленъ, какъ онъ знаетъ. Но старецъ, о прозорливости котораго столько говорили, тѣмъ же строгимъ голосомъ, какимъ онъ всегда говорилъ, спросилъ меня про отца; освѣдомился о моемъ знакомомъ ему дѣдушкѣ и, благословивъ

меня, наказалъ мнѣ, чтобы я явился къ нему, когда поѣду домой на Пасху.

— Не бойся ничего! Учись!—сказалъ онъ мнѣ, уже запирая засовъ, и я довольный побѣждалъ бѣгомъ къ училищу, даже отъ радости перекрестившись. И странно, эта встрѣча съ старцемъ, его ко мнѣ участіе, слова его такъ укрѣпили меня, что я уже дѣйствительно ничего не боялся, словно я былъ разъ навсегда застрахованъ отъ несчастія, крѣпко держась за этого человѣка. И дѣйствительно, несчастія какъ-будто меня миновали: ученіе пошло хорошо, отвѣты уроковъ были отважныѣ, и меня даже пересадили съ задней парты на переднюю, что означало мои успѣхи.

VI.

Передъ Пасхой, передъ каникулами я сдержалъ обѣщаніе предъ о. Августиномъ и забѣжалъ къ нему, ожидая порученія къ бабушкѣ.

Я думалъ, что онъ что-нибудь пошлетъ ей, но онъ ограничился только одними словами, сущность которыхъ я понималъ только въ послѣдствіи.

Онъ сказалъ:

— Передай матушкѣ, что я не забуду ихъ въ молитвахъ. Пусть молится: ее ждутъ большія испытанія и потеря!

Затѣмъ онъ обычно благословилъ меня и заперъ за мною засовъ.

Когда я передалъ слова его бабушкѣ, она только вздохнула и, перекрестившись, сказала:

— Будь по глаголу твоему, святой отче!

И словно я привезъ какое несчастье къ своей бабушкѣ: на завтра же у дѣдушки обнаружилась какая-то болѣзнь, и домъ наполнился запахомъ лѣкарствъ и какой-то печалью. Всѣ ходили на цыпочкахъ, всѣ понизили голосъ, всѣ были какіе-то растерянные. Кто-то предложилъ дѣдушкѣ изъ навѣстившихъ его послать за докторомъ, который особенно отличался въ нашемъ городѣ. Онъ грустно отвѣтилъ:

— Не нужно беспокоить его! Все кончено, — надо только обо мнѣ молиться!

Меня даже ужасъ объялъ, когда я понялъ, что послалъ о. Августинъ со мной на словахъ въ домъ моего любимаго дѣда. Я любилъ дѣдушку и сталъ молиться.

Я такъ почему-то былъ увѣренъ въ выздоровленіи дѣдушки, что даже сказалъ разъ ему, сидя у его постели.

— Вотъ я поѣду къ о. Августину, попрошу его, онъ пошлетъ тебѣ къ каникуламъ со мной здоровье!

Дѣдушка только улыбнулся и погладилъ меня молча по головѣ, говоря, чтобы я какъ можно старательнѣе учился латыни.

Почему онъ вспомнилъ о нелюбимомъ мной языкѣ, — я не знаю, но думаю, что, будучи самъ латинистомъ въ семинаріи и говоря на этомъ языкѣ, онъ желалъ, чтобы и я его хорошо изучилъ.

Я дѣйствительно исполнилъ свое обѣщаніе вымолить у старца здоровье дѣду, но старецъ ничего не отвѣтилъ мнѣ и только промолвилъ, что все „въ руцѣ Божіей“.

Меня оставили въ тотъ годъ изъ-за латинскаго

языка; дѣдушка же хотя хворалъ, но еще не умеръ. Онъ даже училъ еще меня латинскому языку на каникулахъ, хотя съ трудомъ передвигался отъ стола къ постели.

Это было скучное занятіе—латинскій языкъ во время лѣта; но изъ любви къ дѣдушкѣ я занимался самымъ старательнымъ образомъ и къ концу вакацій такъ было наострился въ немъ, что даже перекидывался съ дѣдомъ за обѣдомъ при всѣхъ цѣлыми латинскими фразами.

Дѣдушка по этому поводу говорилъ:

— Онъ у насъ будетъ ученымъ!

Къ сожалѣнію, это было послѣднее мое свиданіе съ дѣдушкой: послѣ каникулъ къ осени болѣзнь его усилилась,—и его не стало.

Мнѣ было поручено сходить немедленно къ о. Августину и попросить его отъ имени бабушки молиться.

— Что дѣлать! Что дѣлать!—промолвилъ онъ съ какимъ-то печальнымъ выраженіемъ и сказалъ, что будетъ молиться.

Я стоялъ еще предъ нимъ, готовый уйти, но ожидая, что онъ скажетъ, чтобы передать бабушкѣ. Онъ встрепенулся:

— Передай матушкѣ—ждутъ ее дороги!

Я пошатнулся даже отъ этого новаго пророчества, думалъ уже, что и она умретъ, но вышло иное: она отправилась по святымъ отъ горя мѣстамъ и ѣздила такъ долго, что я думалъ, она останется въ какомъ-либо монастырѣ.

VII.

„Онъ святой“, — думалъ я, вспоминая эти два случая, и это такъ глубоко запало въ меня, что я не могъ пройти мимо его келліи безъ робости въ сердцѣ.

Теперь я посѣщалъ его изрѣдка, но старался это дѣлать самымъ тайнымъ образомъ, чтобы меня не увидѣли у него сверстники и особенно — мое училищное начальство. Болѣе всего начальство, потому что мнѣ казалось, что это два міра — особенный міръ добра, всепрощенія, терпѣнія и другой — зла, преслѣдованія, наказаній.

Посѣщалъ то въ праздникъ рано утромъ, то поздно вечеромъ въ обыкновенные дни. Прокрадешься къ нему въ то время, когда товарищи играютъ, скользнешь изъ святыхъ воротъ, будто бы идя въ училище, къ нашей строгой, многострадальной и голодной бурсѣ, и тихонько попросишься знакомыми словами въ дверь. — Аминь, отвѣчаетъ знакомый, теперь уже не страшный, голосъ.

Пропустить, усядешься послѣ благословенія на его скамеечку. Зеленая лампада, костыль тяжелый въ углу, камень посрединѣ комнаты, словно выдавленный въ срединѣ колѣнями старца, просфорочка на столѣ въ переднемъ углу, глиняный кувшинъ съ водою, — вотъ и вся его обстановка. Въ позеленѣвшее окно съ рѣшеткою смотрится высокая бѣлая береза, и свѣтъ, казалось, настолько же не интересенъ изъ этого окна, какъ интересна эта жизнь отшельника, эта безконечная душевная молитва.

— Молишься ли ты Богу?—спрашивалъ старецъ.

— Нужно молиться не только утромъ и вечеромъ, но и всегда. Мысленно жить съ Богомъ.

— Почитаешь ли учителей?

— Почитай, хотя они бываютъ и несправедливы. Не осуждай. Терпи. Въ терпѣннѣи и молитвѣ спасеніе міра.

Когда я жаловался, что насъ плохо кормить квартирная хозяйка, онъ строго замѣчалъ:

— Не въ пищѣ одной жизнь, а въ духѣ. Не объирайся! Сытое брюхо къ ученью глухо.

Больше же всего говорилъ о молитвахъ за родителей:

— Ты имъ обязанъ жизнью!

Большое удовольствіе мнѣ доставляло также тереться около келліи о. Августина весною и осенью, во время праздниковъ нашего монастыря, когда притекали богомольцы.

Какъ, бывало, только настанетъ весна, распустятся березы и душистая черемуха, то уже въ монастырь валить народъ съ котомками за плечами: бабы съ посохами, дѣти рядомъ съ ними въ бѣлыхъ холщевыхъ рубашкахъ, дѣвушки съ подвязанными низко темными платками, молодки, и тутъ же загорѣлые мужики съ настоящими клюшками, босикомъ и въ лаптяхъ. И тутъ же всегда старцы какіе то—не то монахи въ старыхъ подрясникахъ, не то любители монастырей и бродячей жизни. Съ длинными отпущенными волосами, съ кожанымъ чернымъ широкимъ ремнемъ, съ такими же лямками черезъ плечо, съ какимъ-нибудь отточеннымъ выкрашеннымъ посохомъ, съ благообразнымъ духовнымъ лицомъ и съ нескончаемыми разсказами про святыя мѣста. И тутъ

же неизвѣстно откуда явившіеся калѣки: тотъ безъ руки, тотъ безъ ноги, тотъ совсѣмъ въ какой-нибудь плетеной корзиночкѣ, сопровождаемый хитрымъ проводникомъ.

Въ другомъ мѣстѣ стройно, долго, долго поютъ какіе-то духовные стихи, держа деревянную точеную, крашеную, маленькую чашечку, въ которой лежатъ опущенные туда гроши и копейки.

VIII.

Въ это время у келліи о. Августина всегда толпа народа.

Это пришли въ монастырь помолиться предъ угодникомъ и повидать о. Августа, какъ живого святого человѣка, да попросить молитвъ его. Такихъ иногда человѣкъ до пятидесяти: они терпѣливо сидятъ у зеленыхъ дверей въ молчаніи, ожидая очереди, чтобы проникнуть за эти таинственные двери.

И порой эта дверь, смотришь, открывается; изъ нея выходитъ плачущій навзрыдъ человѣкъ и такъ и валится на траву, какъ бы только-что высказавъ всѣ свои тяжелые, тайные грѣхи и думы.

А въ дверь уже промелькнула другая сгорбившаяся крестьянская голова, готовая упасть къ ногамъ старца. И сколько выходитъ и входитъ туда, сколько выносятъ оттуда слезъ и волненія, и радости, сколько въ этихъ людяхъ святой и чистой вѣры!

Сидишь и наблюдаешь тутъ; сидишь часами,

слушая шопотомъ передаваемыя признанія бывшихъ у старца, и только удивляешься прозорливости, съ какою онъ встрѣчаетъ и провожаетъ каждого человѣка.

Бывали и такіе случаи, что вышедшіе оттуда вдругъ падали предъ толпой и просили на колѣняхъ у нея прощенія, исповѣдывались передъ ней, чтобы снова возвратиться за молитвами къ старцу. И потомъ выходили отъ него сіяющіе, спокойные, какъ-будто съ ихъ души было снято тяжелое, невыносимое горе. И сколько уходило такихъ съ обновленной душой, съ радостью душевною, сколько народа утѣшала даже краткая бесѣда со старцемъ.

IX.

Такъ, подъ этимъ близкимъ обаяніемъ, подъ этою защитою старца, я и прожилъ, проучился въ этомъ училищѣ 5 лѣтъ, пока не пришло время отправить меня въ родную семинарію.

Передъ окончаніемъ послѣднихъ экзаменовъ я зашелъ проститься съ нимъ.

Онъ принялъ меня какъ-то особенно и много со мной говорилъ, спрашивая о томъ, что я думаю съ собой дѣлать.

— Такъ, такъ,— покачивалъ онъ головой въ то время, когда я рассказывалъ свои завѣтныя мысли. Мнѣ казалось, онѣ нравились ему. Какъ вдругъ онъ прервалъ меня, говоря болѣе строгимъ, хотя какимъ-то сочувствующимъ голосомъ:

— Вѣра спасетъ тебя; но многое, о чемъ меч-

таешь, не исполнится въ дѣйствительности. Въ страданіи — вся жизнь, а не въ радости! Чрезъ страданіе мы очищаемся, дѣлаемся выше.

Я не понялъ и робко спросилъ его о своей будущности.

Онъ глухо какъ-то отвѣтилъ:

— Твой стези иначе начерчены твоимъ ангеломъ-хранителемъ: ты будешь не среди насъ, а далеко, далеко! Господь да сохранить тебя...

И, словно желая ободрить, прибавилъ:

— Дай, я благословлю тебя.

Я палъ къ ногамъ его, и онъ, положивъ руку на мою голову, долго молился. Потомъ приказалъ встать. Мы простились.

Словно завѣса какая опустилась на сердце мое, когда снова звякнулъ тяжелый желѣзный засовъ, которымъ онъ задвинулъ дверь, меня провожая.

Больше я не видалъ о. Августина,—онъ скоро послѣ меня преставился. Но народъ не забылъ до сихъ поръ могилы его, у которой до настоящаго времени вы можете видѣть въ лѣтнюю пору молящихся и плачущихъ изъ среды простого, деревенскаго народа.

И говорятъ, молитва помогаетъ страждующимъ: они такъ же, какъ при жизни его, уходятъ отъ могилы съ обновленною, умиленною, воскресшею душою.

Маленькій Христось.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Къ нашему дѣдушкѣ въ село Ичкинское частенько заѣзжали „странные люди“: монахи, странники, прохожіе, старцы, сестрички и братцы, вообще тотъ народъ, который обрекъ свою жизнь на служеніе Церкви и Господу и собираетъ среди простого народа хлѣбъ и деньги на храмы, монастыри и разныя религіозныя цѣли.

Есть люди, которые какъ-то вдругъ оторвутся отъ своихъ и родины, порвутъ, словно разочаровавшись въ ней, обычную свою жизнь и обстановку и всецѣло посвятятъ свою жизнь только Богу. И, разъ посвятивши ее Ему, только молятся одному Ему, только думаютъ и дѣлаютъ для Него, только возлагаютъ все свое будущее въ Немъ,

только думаютъ о Немъ до самой своей могилы. Эти люди всегда занимали меня еще въ дѣтствѣ, но такъ и до настоящаго времени не понялъ ихъ, такъ они скрытны, чужды они намъ, такъ они непонятны... Я думалъ только одно, что они дѣлаютъ всѣ какое-то большое, великое, святое дѣло, собирая подаянія, отчего на обширной Руси вырастаютъ незамѣтно храмы Божіи и устраиваются монастыри, чтобы пріютить въ иемъ такихъ ушедшихъ отъ міра людей. И эти храмы, украшающіе нашу православную Русь, и эти монастыри съ бѣлыми каменными оградами и храмами такъ оправдывали ихъ въ моихъ глазахъ, что я всегда съ волненіемъ встрѣчалъ ихъ на пути своемъ и давалъ имъ въ свое сердце дорогу.

Бывало, сидишь еще маленькимъ у бабушки въ селѣ Ичкинскомъ и читаешь ей любимую ея книгу—„Житіе Серафима Саровскаго“, какъ неожиданно, безъ всякой обычной осторожности, съ шумомъ поднимается на полу западня, и оттуда высовывается въ бѣломъ платочкѣ испуганная голова стряпки Варвары.

— Матушка, къ намъ гостенекъ какой-то пожаловалъ... дожидается у воротъ.

— Кто такой?—даже встрепетнется бабушка.

— Да кто его знаетъ, кто такой... стоитъ съ повозочкой у самой нашей оградки!..

— Фу, какая ты, Варвара, безтолковая: вѣчно не узнаешь толкомъ, кто такой, и бросится... сколько разъ я говорила тебѣ, что узнай толкомъ и тогда докладывай. Можетъ, опять, просто, рыболовъ съ своею рыбой?

— Нѣтъ, не съ рыбой, матушка, у рыболова сивой меринъ, а не вороной.

Бабушка улыбается на глупый отвѣтъ стряпки Варвары, словно переполошившейся отъ одного появленія неизвѣстнаго гостя, и командируетъ меня къ ближайшему окну къ воротамъ.

Я съ восторгомъ, живо исполняю приказаніе бабушки и докладываю еще оттуда: — дѣйствительно, вороная лошадь за воротами, повозка, но, кто въ повозочкѣ, невидно.

— Бѣги, скорѣе, глупая, отворяй ворота, проводи лошадь подъ навѣсикъ скорѣе, — распоряжается бабушка, — да, смотри, разспроси, кто пріѣхалъ.

И, прежде чѣмъ бабушка кончаетъ эти слова, Варвара проваливается вмѣстѣ съ западнею кухонною, и только слышны по лѣстницѣ ея тяжелые шаги. Мы замираемъ съ бабушкой въ ожиданіи; бабушка крестится на образа и произноситъ: — Слава Тебѣ, Господи, не забываютъ насъ страннички Божіи!

А я уже радъ, что такъ скоро окончилось чтеніе, и съ нетерпѣніемъ ожидаю, воображая себѣ волосатаго, въ черной одеждѣ, скромнаго странника старца. Но проходитъ минута, другая, не слышно, что ворота отворяются, и бабушка, словно боясь, чтобы не проѣхали мимо, посылаетъ меня спѣшнымъ образомъ посмотреть въ окно, что дѣлаетъ Варвара.

Я снова у окна и рапортую: — Варвара просунула въ калитку голову и что-то разспрашиваетъ монаха.

— Господи, вотъ безтолковая!.. да крикни ей, чтобы отворяла скорѣе ворота!

Но я уже утѣшаю бабушку: — Отворяетъ! От-

воряетъ! Только запнулась и чуть не упала съ движкою, такъ и ткнулась въ землю носомъ!...

— Господи,—сердится бабушка,—убьется еще у воротъ, растянется передъ монахомъ!

Но я прерываю ее новыми вѣстями: —Заводить лошадь... та упирается... задѣли колесомъ за ворота... проѣхали, проѣхали, бабушка, вмѣстѣ съ повозкой.

— Да кто въ повозочкѣ, скажи хоть слово ты толкомъ?...

— Монахъ, бабушка, монахъ! пребольшущій монахъ, въ черной шапкѣ!

Бабушка только хлопаетъ руками, такъ и не доспросившись, что за монахъ, какого возраста, съ какой бородою.—Да скажи ты мнѣ толкомъ, хоть какая повозочка?—спрашиваетъ она, видимо, окончательно потерявши всякую надежду дождаться отъ насъ съ Варварою толку.

— Синяя, бабушка, кажется, синяя... Нѣтъ зеленая, зеленая, бабушка,—начинаю я ее увѣрять, и такъ какъ повозочка уже подъ сарайчикомъ, то я напрасно хочу поправиться: стекло окна мнѣ мѣшаетъ.

— Не разбей хоть стекло,—смѣется, наконецъ, моя бабушка, и, видимо, рѣшаетъ лучше подождать съ вѣстями Варвару.

Наконецъ двери отворяются въ прихожую, неслышно входитъ посторонній человѣкъ, а не Варвара.

— Господи, Иисусе Христе Боже, помилуй насъ,—слышится твердый, увѣренный голосъ пришедшаго, и изъ тихаго кабинета дѣдушки доносится на него—аминь. Затѣмъ двери кабинета отворяются, слышно привѣтствіе новое, и мы при-

слушиваемся съ бабушкой, желая угадать по голосу гостя.

Я смотрю на бабушку, — она на меня вопросительно, но вижу, что она въ смущеніи и еще въ догадкѣ.

Дѣдушка уводитъ въ кабинетъ пришедшаго неизвѣстнаго, и вмѣсто него показывается голова Варвары словно изъ преисподней. Она вспотѣла, бѣлый платочекъ ея сбился въ сторону; но она громко рапортуетъ:

— Монахъ, матушка!

— Да, не кричи ты во весь ротъ, дура старая, не видишь, что онъ тутъ, въ кабинетѣ рядомъ! Ставь скорѣе самоваръ. Нѣтъ, постой, скажи, какая повозочка?

— Холщевая матушка.

— Да въ какую краску окрашена холщевая, не въ синюю ли, не отецъ ли Ксенофонтъ пріѣхалъ?

Но Варвара тоже не знаетъ краски, въ какую окрашена повозочка, и готова броситься снова подъ сарай, какъ бабушка останавливаетъ ее:

— Да не ходи ужъ ты, безтолковая, сроду отъ васъ не дождешься толку!

Варвара поспѣшно проваливается, но отворяются неожиданно двери кабинета.

— Попадья, о. Игнатій пріѣхалъ съ Аѳонской горы!.. Не ожидала?

Бабушка даже вскрикиваетъ отъ этой неожиданности, что давно не видала этого человѣка, и долго-долго смотритъ на дѣдушку, какъ бы читая дѣдушкину радость.

Дѣдушка улыбается ей счастливою улыбкою и уходитъ.

Домъ словно оживаетъ отъ этого радостнаго извѣстія, бабушка съ шумомъ поднимается и отправляется переодѣваться, Варвара стучитъ самоваромъ въ кухнѣ, дѣдушка выходитъ то съ однимъ, то съ другимъ приказаніемъ, и въ моменты, когда отворяется дверь кабинета, я просовываю туда голову и вижу гостя.

— Ура, я видѣлъ его, — кричу я стряпкѣ Варварѣ и съ шумомъ спускаюсь съ лѣстницы въ кухонку и бѣгу удовлетворить свое любопытство подъ сарайчикъ.

Подъ сарайчикомъ лошадь вороная, сытая, съ распряженною повозочкой, и повозка оказывается совсѣмъ не зеленой, а черной. Но это не смущаетъ меня особенно, и я со вниманіемъ разсматриваю все тщательно и удивляюсь, какъ могло все это спуститься съ подоблачнаго Аѳона, не упавши въ море.

Въ этотъ день въ домѣ настоящій праздникъ: собираются знакомые дѣдушки и бабушки, и вечеромъ, когда приходитъ въ чайную отдохнувшій съ дороги нашъ гость, начинаются его длинные, любопытные разговоры. Про святой Аѳонъ, про русскую тамъ обитель св. Пантелеймона, про схимниковъ, про чудеса, про массу вѣрующаго народа, про синее бушующее море... И слушаешь, и словно уносишься туда въ эту обитель молитвы и вѣры... И даже ночью, во снѣ видишь этотъ Аѳонъ, съ его бѣлыми высокими горами, и бушующее синее-синее море.

Такъ, или приблизительно такъ, было всегда, когда пріѣзжали къ дѣдушкѣ и бабушкѣ „странные люди“. Они гостили у насъ, отдыхали отъ дороги дальней и затруднительной, принимали при-

ходящихъ набожныхъ, вѣрующихъ прихожанъ нашего дѣдушки, наставляли ихъ, совѣтовали имъ, тѣ повѣряли имъ свое горе, свою жизнь тяжелую и уходили съ облегченнымъ сердцемъ, даже съ радостью, со слезами на глазахъ, какъ будто получивши какое душевное исцѣленіе. Изъ повозочки появлялись для этихъ людей какіе-то священные предметы, подарки незначительные, въ обмѣнъ которыхъ повозочка наполнялась хлѣбомъ, холстомъ и тихонько, незамѣтно сунутыми въ руку монашествующаго деньгами.

Такъ они гостили недѣлю, и домъ дѣдушки превращался какъ бы въ гостиницу; такъ проводили мы веселые вечера, не наслушавшись сказаній монаховъ, и такъ привыкали къ нимъ, что жаль было разстаться съ ними, какъ съ родными.

Передъ самымъ отъѣздомъ дѣдушка съ бабушкой обычно что-то шушукались; потомъ дѣдушка вынималъ золотой или два, бабушка вытаскивала изъ сундучковъ разные холсты и матеріи, и все это старательно упаковывалось по адресу далекаго, высокаго Аѳона. Бабушка крестилась при этомъ; у дѣдушки сіяло счастьемъ лицо, и даже Варвара и та что-то жертвовала отъ своихъ трудовъ на какой-то строящійся тамъ храмъ или маленькую, скромную, монашескую обитель.

И когда уѣзжалъ наконецъ нашъ черный гость, слезы стояли въ глазахъ его провожающихъ за воротами, и дѣдушка съ бабушкой только крестились на храмъ, чувствуя, что они сдѣлали все, что возможно.

И опять замиралъ нашъ домъ, обычно тихій и никѣмъ непосѣщаемый, кромѣ самыхъ близкихъ родныхъ; но разговоры о посѣтившемъ его пут-

никѣ долго еще не смолкали. И, бывало, дѣдушка вечеромъ задумается, задумается, сидя въ чайной комнатѣ, и скажетъ;—Гдѣ-то теперь о. Ксенофонтъ нашъ на карькѣ своемъ, съ повозочкой?—и снова вспыхнетъ о немъ разговоръ, и, смотришь, весело, непринужденно пролетитъ долгій вечеръ, въ самыхъ отрадныхъ, знакомыхъ всѣмъ милыхъ воспоминаніяхъ.

II.

Должно быть, такъ было и въ тотъ разъ, когда въ домъ дѣдушки пріѣхалъ о. Мелетій.

Это было на Рождествѣ; я уже учился въ первомъ классѣ училища и пріѣхалъ на эти рождественскія каникулы въ домъ моего отца. Предстояла поѣздка въ Ичкинку къ дѣдушкѣ, и я съ волненіемъ отправился туда вмѣстѣ съ матерью, давно не выдавши дѣда и бабушку. Дорогой я долго думалъ, какъ себя вести, уже будучи теперь ученикомъ духовнаго училища, а не „лоботрясомъ“, какъ частенько называла меня бабушка и даже стряпка Варвара. Это названіе очень меня обижало; но я никакъ не могъ придумать себѣ той позы, съ какою я долженъ нынѣ встрѣтиться хоть съ Варварою, чтобы, такъ сказать, поддержать свое достоинство. Рѣшено было держаться какъ можно дальше отъ Варвары и небрежнымъ образомъ, какъ бы только снисходя къ ея появленію; но случилось такъ, что только Варвара высунула свою глупую голову въ калиточку, какъ мы съ ширкунчиками подкатили къ воротамъ на парѣ своей,

я выскочилъ изъ повозочки и съ Варварой облобызался.

Въ одинъ моментъ я забылъ свое духовное училище; въ одинъ моментъ я забылъ бѣлый, скучный, монотонный монастырь, гдѣ учился, и съ шумомъ было ворвался уже въ комнаты, какъ вдругъ въ гостиной увидалъ монаха.

Онъ сидѣлъ въ креслѣ дѣдушки, опустивши низко-низко свои тяжелыя рѣсницы, и не то спалъ, не то задумался о чемъ-то глубоко.

Я тихонько вышелъ изъ комнаты и услыхалъ осторожный разговоръ дѣдушки, который говорилъ моей мамашѣ:—А у насъ гость пріѣхалъ на Рождество. Представь, душенька, изъ самой Палестины! И какъ разъ въ первый день Рождества! Какъ онъ пѣлъ, какъ онъ славилъ родившагося Спасителя, ты бы послушала!

А бабушка, помогая мамѣ снимать теплую шубку, говорила:—Ты помнишь о. Мелетія? Ты должна помнить его хорошо, ты была еще не въ замужествѣ, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ и подарилъ тебѣ маленькія четки.

Моя мать отвѣчала:

— Какъ же не помнить мнѣ Мелетія, у него такой чудный былъ голосъ.

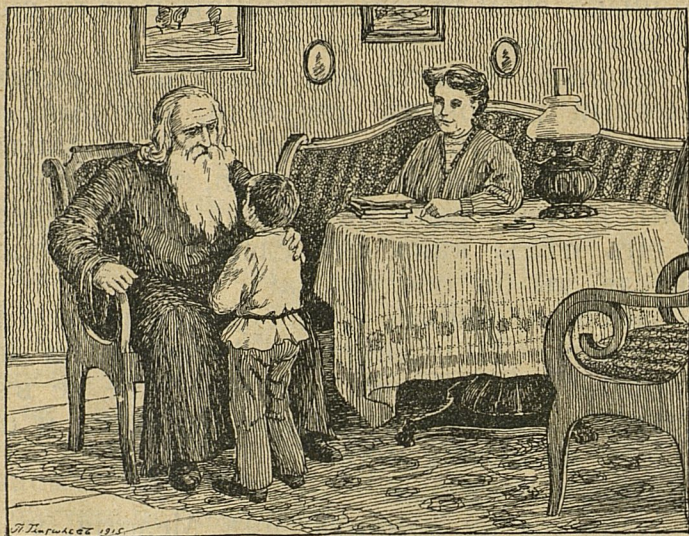
Оправившись, мы пошли здороваться съ о. Мелетіемъ, и я только тутъ рассмотрѣлъ этого гостя.

Это былъ уже старичокъ, съ бѣлыми пушистыми, необыкновенно красивыми вьющимися волосами, которые какъ-то оттѣняли его заветрѣлое лицо, придавали ему особенную нѣжность и красиво кудрявыми прядями лежали на его черной ряскѣ. Но что было особенное въ немъ—это глаза,—голубые и глубокіе, которые то блестѣли, бу-

дучи открытыми, то закрывались тяжелыми рѣсницами, какъ бы засыпая. И когда онъ открывалъ глаза, я даже вздрагивалъ, такъ было это интересно.

Онъ неторопливо, высокимъ взмахомъ широкаго рукава благословилъ меня и мать, и тотчасъ же приблизилъ меня къ себѣ, къ своимъ колѣ-

нямъ, обнявши рукою. Онъ гладилъ меня по головѣ, и какая-то нѣга разливалась отъ этого нѣжного, легкаго прикосновенія, онъ сжималъ руки мои своею мягкою рукою, и я чувствовалъ словно теплоту его сердца. Онъ говорилъ съ моею мамою, вспоминая ее дѣвушкой, но я чувствовалъ его непрерывныя ласки. И не хотѣлось уходить отъ него, освобождаться отъ его объятій, хотѣлось слышать его разговоры. Только передъ чаемъ, когда

насъ позвали въ чайную комнату, я вырвался отъ него и скрылся въ кухню у Варвары, которая поджидала уже меня съ своими новостями и ласкою, оставаясь внизу одинокой.

Разумѣется, тотчасъ же начался разсказъ ея про тѣ волненія, которыя сопровождали прїѣздъ о. Мелетія ночью; но особенно поразили меня ея слова, когда она стала мнѣ разсказывать, какъ о. Мелетій славилъ Бога. — Какъ онъ пѣлъ! Какъ онъ пѣлъ—повторяла она—предъ иконами, какъ онъ славилъ Бога! Никогда ничего я лучше не слыхивала, и стояла у западни, какъ блаженная.

Разумѣется, пока пили чай въ верхнихъ комнатахъ, мы сбѣгали съ ней и къ лошадкѣ, и къ повозкѣ о. Мелетія.

Вечеромъ, разумѣется, обычное собраніе знакомыхъ и гостей въ чайной комнатѣ передъ предстоящими разсказами о далекой, теплой, благодатной Палестинѣ.

У гостя почетное мѣсто противъ самовара и противъ бабушки; дѣдушка волновался сегодня, матушка даже раскраснѣлась, ожидая палестинскихъ интересныхъ разсказовъ, а я давно уже на теплой лежаночкѣ, откуда мнѣ хорошо видно всѣхъ, при горящихъ свѣчахъ въ канделябрахъ. Что это были за чудесные разсказы о. Мелетія про святую Палестину, когда онъ говорилъ про несвоимъ тихимъ, мелодичнымъ голосомъ! Что это были за описанія этой пустынной страны съ дикими бедуинами! Что за заманчивыя картины рисовалъ онъ передъ моимъ воображеніемъ, разсказывая про пастуховъ, про сизыя задумчивыя горы, про этотъ туманный млечный воздухъ надъ Мертвымъ моремъ. И это Мертвое море, и пальмы Іор-

дана, и говорливыя горлицы, и все рѣшительно все, словно стояло передъ моими восторженными глазами, когда онъ говорилъ про эту незнакомую чудную природу Востока. Кто-то его попросилъ разсказать про городъ Виѳлеемъ, гдѣ родился сегодня Спаситель. Онъ разсказалъ и про Виѳлеемъ съ описаніемъ скромной, темной пещеры, гдѣ родился Спаситель.

Вдругъ, рассказывая про эту темную скромную пещеру, онъ закрылъ свои глаза, словно утомившись.

— Вы устали, о. Мелетій, намъ рассказывать? — первая спохватилась моя мама.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ. — Я только припоминаю одно стихосложеніе, которое мнѣ хочется разсказать... для вашего сына, — и при этихъ словахъ такъ любовно, ласково обернулся ко мнѣ, и такъ посмотрѣлъ на меня, что я даже вспыхнулъ весь отъ этого вниманія, думая, что меня позабыли.

— Это стихотвореніе одной крестьянской дѣвушки, которая всю свою душу отдала Богу. Это стихотвореніе, — продолжалъ онъ, — озаглавлено такъ: „Маленькій Христосъ“. Боюсь, я позабылъ уже его, но, можетъ быть, мнѣ память моя поможетъ.

И онъ снова на минуту закрылъ глаза и, когда я этого не ожидалъ, поднялъ ихъ, взглянулъ на меня еще, и началъ:

МАЛЕНЬКІЙ ХРИСТОСЪ.

Я умомъ ходила
Въ городъ Виѳлеемъ
И была въ вертепѣ
И видѣла въ немъ,

Что Христось-Спаситель,
Нашъ Творецъ и Богъ,
Родился отъ Дѣвы
И лежитъ убогъ.
Въ ясляхъ, безсловесныхъ
Посреди ягнятъ,
А надъ нимъ Іосифъ
Съ Матерью сидятъ.
Богъ-Младенецъ горько
Плакалъ и рыдалъ,
Горькими слезами
Ясли обливалъ.
Жаль Христа мнѣ стало,
Пала передъ Нимъ
И рыдала вмѣстѣ
Съ Господомъ Своимъ.
А потомъ я Дѣвѣ
Сдѣлала вопросъ:
Отчего такъ плачетъ
Маленькій Христось?
Дѣва мнѣ сказала:
—Плачетъ Онъ о томъ,
Что Адамъ и Ева
Взяты злымъ врагомъ
И что образъ Божій,
Данный ихъ душамъ,
Преданъ поруганью,
Злобѣ и врагамъ.
Плачетъ, что не любятъ
Дѣти ихъ Отца,
И что ихъ грѣхами
Вся полна душа.
Плачетъ, что на службу
Къ сатанѣ идутъ,

А отъ службы Божьей
Старъ и младъ бѣгутъ.
И о плоти дышутъ,
А о духѣ нѣтъ,
И скверняютъ на вѣки
Свой духовный свѣтъ.
Вотъ о чемъ Онъ плачетъ.
Пожалѣй Его
И утѣшь Младенца,
Бога своего!
Ты Его утѣшишь,
Если съ юныхъ лѣтъ
Жить по волѣ Божьей
Дашь Ему обѣтъ.
Я тебя за подвигъ
Нѣжно возлюблю
И тебя родною
Дщерью назову.--
Я пообщалась
Господа любить
И себя и душу
Богу посвятить.

Онъ прочелъ это стихотвореніе крестьянской дѣвушки, голосъ его тихо замолкъ, тяжелыя рѣсницы снова опустились на блестящія красивые глаза, но я не смѣлъ пошевелиться на лежанкѣ. Я никогда не слышалъ такого стихотворенія, оно поразило меня въ его тихихъ, душевныхъ, глубокихъ словахъ и словно отпечаталось въ моей памяти, словно вошло въ мою душу. Я ничего не слышалъ болѣе; я воображалъ только эту дѣвушку, изъ души которой вылились эти слова, взволновавшія мою душу. И когда всѣ разошлись послѣ долгаго памятнаго этого рождественскаго вечера,

когда о. Мелетій одинъ остался въ этой комнатѣ на креслѣ своемъ, задумавшись,—я подошелъ къ нему, прильнулъ къ нему робко и попросилъ позволенія записать эти стихи крестьянской дѣвушки себѣ на память.

Онъ обернулся ко мнѣ, нагнулся, ласково заглянулъ мнѣ въ глаза, на которыхъ еще были слезы, и тихо, ласково обнимая меня, проговорилъ:

— Я завтра продиктую тебѣ это стихосложеніе дѣвушки, и ты его запишешь своею рукою на память.

Я, дѣйствительно, записалъ это стихотвореніе крестьянской неизвѣстной дѣвушки, и оно до настоящаго времени хранится у меня на какой-то синей, грубой старинной бумажкѣ.

И когда я выросъ и выучился, я первымъ долгомъ исполнилъ свою завѣтную мечту быть въ Палестинѣ. И я былъ тамъ, я любовался ея пальмами и роскошной растительностью, я наблюдалъ бедуиновъ, паломниковъ, жителей этой чудной таинственной страны, я замиралъ на пути, видя словно знакомыя съ дѣтства еще картины...

Я не нашелъ тамъ только о. Мелетія; но зато нашелъ и поклонился его могилѣ. И только тутъ узналъ, изъ скромной надписи на бѣломъ мраморѣ, что онъ былъ крестьянскій мальчикъ. Онъ мальчигомъ ушелъ въ эту далекую святую Палестину, онъ мальчигомъ ушелъ къ этому „Маленькому Христу“, онъ мальчигомъ зажегъ въ своей душѣ и головѣ великія мысли, и всю жизнь посвятилъ своей бѣдной, занесенной снѣгомъ родинѣ, объѣзжая ее, посѣщая ея бѣдныя села и деревни и внося въ нихъ свѣтъ и радость.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
О. Августинъ	3
Маленькій Христось	25

НОВЫЯ КНИГИ:

АЛЕКСѢЕВЪ, В. Восточный вопросъ. Съ рис. Ц. 10 к.

— Война въ исторіи Россіи. Съ рис. Ц. 20 к.

АЛТАЕВЪ, А. Крупеничка. Изъ русскихъ народныхъ сказаній. Съ рис. Ц. 5 к.

— Въ лѣсу. Съ рис. Ц. 5 к.

— Забавники. Съ рис. Ц. 10 к.

— Въ поискахъ счастья. Изъ дѣтскихъ лѣтъ. Съ рис. Ц. 20 к.

— Королевичъ и мавритенокъ. Древне-герм. легенда. Съ рис. Ц. 5 к.

— Кружка слезъ. Старо-герм. сказаніе. — **Къ свѣту.** Сказка. Съ рис. Ц. 5 к.

— Фигурка. Съ рис. Ц. 15 к.

— Атаманъ. Разсказъ. Съ рис. Ц. 5 к.

— Не вынесъ. Разсказъ. Съ рис. Ц. 5 к.

— Новый годъ. — **Скворчикъ.** Сказки. Съ рис. Ц. 5 к.

— Маята. Разсказъ. Съ рис. Ц. 10 к.

— Панычъ. Разсказъ. Съ рис. Ц. 10 к.

— Подъ гнетомъ инквизиціи. Историческая повѣсть. Съ рис. Ц. 80 к.

— Великій сказочникъ. Біографическій разсказъ. Съ рис. Ц. 35 к.

— Мигуэль Сервантесъ. Біографическая повѣсть. Съ рис. Ц. 40 к.

— Бенвенуто Челлини. Біографическая повѣсть. Съ рис. Ц. 60 к.

— Божья елка. Разсказъ. Съ рис. Ц. 10 к.

— Лѣсное дитя. Легенда. Съ рис. Ц. 10 к.

ГАТЦУКЪ, В. (Перев.) Лѣсные воздухоплаватели. Съ рис. Ц. 5 к.

Законъ о высшихъ начальныхъ училищахъ. — Законъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Ц. 20 к.

ИНФАНТЬЕВЪ, П. Воръ. Изъ жизни вогудовъ. Съ рис. Ц. 5 к.

— Гнѣвъ шайтана. Вогудское преданіе изъ временъ покоренія Сибири. Съ рис. Ц. 10 к.

КАРАСКЕВИЧЪ-ЮЩЕНКО, С. Св. Евфросинія. Ц. 7 к.

— Св. Янка-княжна. Родное преданіе. Ц. 10 к.

ОБУХОВЪ, А., СЪРОПОЛКО, С. и ЧЕХОВЪ, Н. Каталогъ учительской бібліотеки. 2-е исправленное изданіе. Ц. 10 к.

СЪРОПОЛКО, С. Дмитрій Ивановичъ Тихомировъ. Біографическій очеркъ. Съ портретами и снимками. Ц. 15 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ:

1) „ЮНАЯ РОССИЯ“ („Дѣтское Чтеніе“).

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ завед., въ городскія, по положенію 1872 г., училища и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

Журналъ даетъ всѣмъ подписчикамъ:

12 книжекъ журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки, б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи, г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и съ картинъ, а также нѣсколько

бесплатныхъ приложений.

Въ журналъ принимаютъ ближайшее участіе лучшія литературныя и научныя силы.

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Журналъ выходитъ восемь разъ въ годъ. Мин. Нар. Просв. разрѣшенъ для учительскихъ библіотекъ и бесплатныхъ народныхъ читальн.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») безъ «Педаг. Листка»:

«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педаг. Листкомъ»:

Безъ доставки на годъ	4 р. 50 к.	Безъ доставки на годъ	5 р. — п.
Съ достав. и пересылк. на годъ	5 » — »	Съ достав. и перес. на годъ	6 » — »
Безъ доставки на $\frac{3}{4}$ года	3 » 50 »	Безъ достав. на $\frac{3}{4}$ года	3 » 75 »
Съ достав. и перес. на $\frac{3}{4}$ года	3 » 75 »	Съ достав. и перес. на $\frac{3}{4}$ года	4 » 50 »
Безъ доставки . . . на $\frac{1}{2}$ года	2 » 25 »	Безъ доставки . . . на $\frac{1}{2}$ года	2 » 50 »
Съ достав. и перес. на $\frac{1}{2}$ года	2 » 50 »	Съ достав. и перес. на $\frac{1}{2}$ года	3 » — »
Безъ доставки . . . на $\frac{1}{4}$ года	1 » 15 »	Безъ доставки . . . на $\frac{1}{4}$ года	1 » 25 »
Съ достав. и перес. на $\frac{1}{4}$ года	1 » 25 »	Съ достав. и перес. на $\frac{1}{4}$ года	1 » 50 »

Подписная цѣна на „Педагогическій листокъ“ (безъ „ЮНОЙ РОССИИ“) **ДВА РУБЛЯ, на полгода ОДИНЪ РУБЛЬ.**

За границу «Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педагогическимъ Листкомъ» 8 руб.

За перемѣну адреса 28 коп. марками.

Объявленія, помѣщаемыя въ журналахъ: 1 стран.—40 руб., $\frac{1}{2}$ стран.—20 руб.

Издательница **Е. Н. Тихомирова.**

Редакторъ **Д. И. Тихомировъ.**

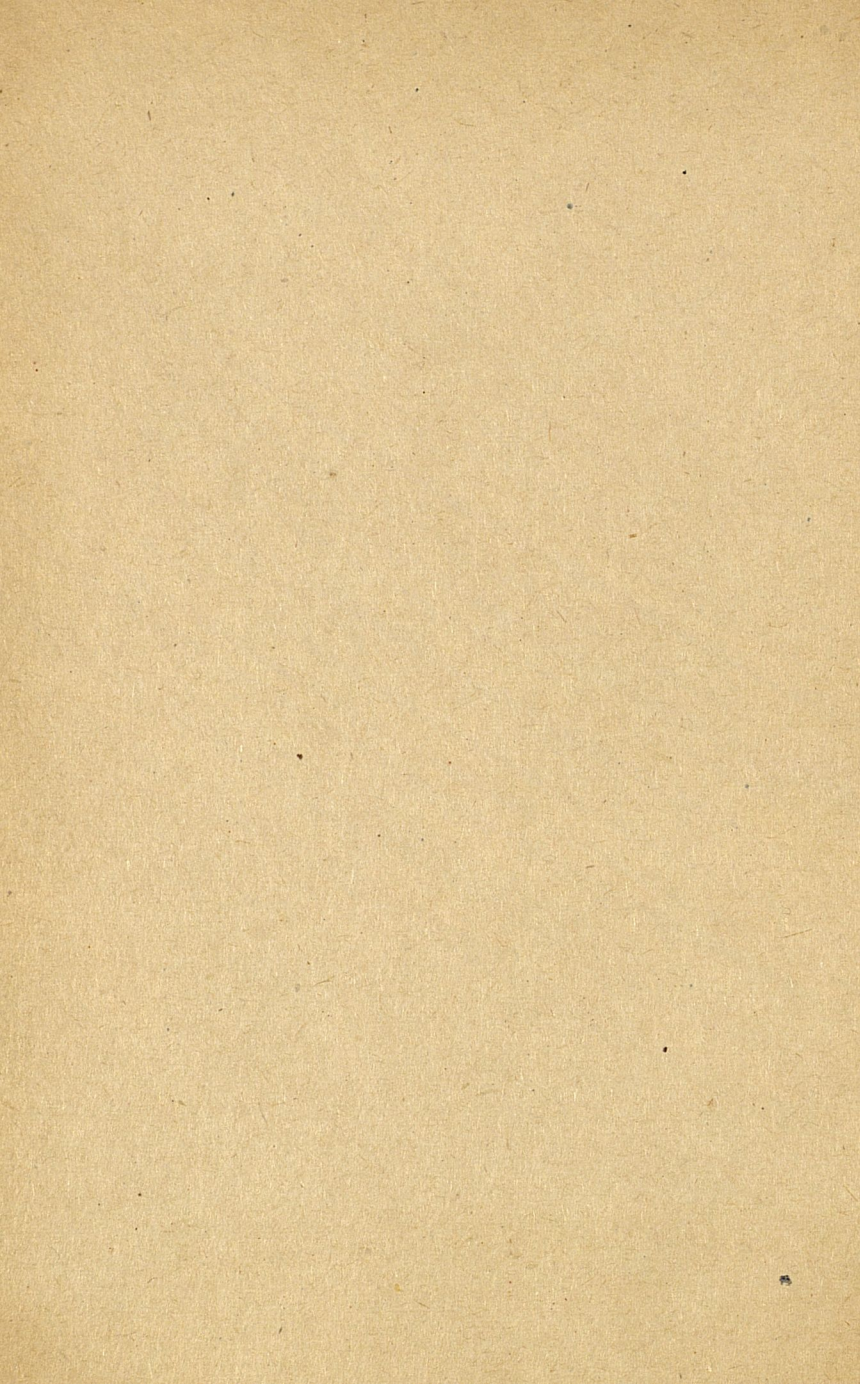
Редакція и контора журналовъ помѣщаются въ Москвѣ, на Большой Молчановкѣ, домъ № 18—Д. И. Тихомирова. Адресъ для иногородныхъ: Москва, въ редакцію «ЮНАЯ РОССИЯ» («Дѣтское Чтеніе»).

Каталогъ книгоиздательства Д. И. Тихомирова высылается бесплатно.

2007084147